

Е.Ю. Захарова

ГРУЗИНСКИЕ КАФЕ В РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ГРУЗИИ¹

Данная статья обобщает материалы полевого исследования новых трудовых мигрантов из Грузии в крупных городах России, проводившегося в 2017–2018 гг. Исследование осуществлялось среди работников грузинского общественного питания — кафе-ресторанов и точек-пекарен, — приехавших в Россию в течение последних семи лет. Большая часть собранных в России полевых материалов относится к достаточно крупной городской сети грузинских кафе и ресторанов, другая часть получена от сотрудников мини-пекарен, два интервью были проведены с владельцем и сотрудницей ресторана грузино-азиатской кухни. Поскольку проект подразумевал использование транснациональной рамки, интервью проводились также с семьями трудовых мигрантов, оставшимися в Грузии. Спецификой данного полевого исследования стало регулярное углубленное общение с ключевым собеседником, миграционный случай которого можно считать показательным. Дизайн исследования определил структуру статьи: отдельные разделы посвящены сетевому предприятию грузинских кафе и ресторанов и миграционному кейсу ключевого собеседника. В статье дается общий портрет новой миграции из Грузии в российские мегаполисы с фокусом на трудовые отношения и особенности функционирования сообщества сотрудников в сетевых заведениях грузинского общепита, где задействован труд вновь прибывших мигрантов.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, недокументированные мигранты, рестораны, Грузия, репутация, реципрокность.

---

¹ Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 14-18-02149-П «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

E. Yu. Zakharova

GEORGIAN CAFES IN MAJOR RUSSIAN CITIES: RESULTS OF THE FIELD STUDY OF LABOR MIGRATION FROM GEORGIA

The article summarizes the field materials of the research on new labor migration from Georgia to major cities of Russia, conducted in 2017–2018. The study was conducted among employees of the Georgian public catering services — cafe-restaurants and bakeries, who have arrived in Russia during the last seven years. Most of the field data collected in Russia belong to a fairly large network of Georgian cafes and restaurants, another part of the data was received from the employees of mini-bakeries, and two interviews were conducted with the owner and employee of a restaurant of Georgian-Asian cuisine. Since the project implied the use of a transnational framework, interviews were also conducted with the labor migrant's families remaining in Georgia. The specificity of this field study was regular and profound communication with a key interlocutor the case of whose migration can be considered typical. The design of the study determined the structure of the article: separate sections are devoted to the network enterprise of Georgian cafes and restaurants and the migration case of the key interlocutor. The article provides a general portrait of the new migration from Georgia to Russian major cities with a focus on labor relations and the peculiarities of the functioning of the community of employees in the network of public catering enterprises in Georgia, where the work of newly arrived migrants is used. The article was prepared at the European University at St. Petersburg as part of the project of Russian Science Foundation “Transnational and Translocal Aspects of Migration in Modern Russia”, № 14-18-02149-II.

Keywords: migration, labor migrants, undocumented migrants, restaurants, Georgia, reputation, reciprocity.

Введение

Начиная с 1990-х годов Грузия активно отправляет трудовых мигрантов в другие страны. За это время транснациональная трудовая миграция превратилась в привычную опцию и настолько обычную экономическую стратегию для граждан Грузии, особенно в некоторых сельских районах, что даже в какой-то степени стала нормализованной и нормативной [Lundkvist-Houndoumadi 2010: 51].

После распада СССР перед гражданами Грузии открылись новые направления миграции. Если в первое десятилетие после обретения Грузией независимости основным миграционным направлением оставалась Россия, то с начала 2000-х годов все больше мигрантов стали отправляться в страны Европы, Северной Америки, Ближнего Востока.

Согласно результатам полевого исследования Эрин Траус Хоффман, Россия и страны бывшего СССР — наименее желанные направления миграции для граждан Грузии, в качестве наиболее предпочтительных стран респонденты называли США и Канаду, за которыми следовали Великобритания, Ирландия, страны Европейского Союза; предшествовала постсоветским республикам только Турция [Hofmann 2015: 820]. Хотя эта иерархия, очевидно, не является ни жесткой, ни абсолютной, мои полевые данные подтверждают, что Россия не относится к желанным направлениям миграции для граждан Грузии.

Согласно цифрам Всеобщей переписи населения Грузии 2014 г., которые приводит Национальная статистическая служба Грузии, в этот год больше всего мигрантов из Грузии фиксировалось в России, за ней с незначительным отрывом следовала Греция, далее — Турция, Италия, Германия, США, Испания, Франция и Украина [Saqartvelos 2017: 14]. В том же отчете Национальная статистическая служба Грузии приводит данные UN DESA², согласно которым на 2015 г. в России фиксировалось более 450 тыс. рожденных в Грузии граждан, в Греции — более 83 тыс., на

---

² UN DESA — United Nations Department of Economic and Social Affairs.

Украине — более 64 тыс., в США — более 24 тыс., в Германии — более 22 тыс., на Кипре — более 17 тыс., в Италии — более 12 тыс., и менее чем по 10 тыс. человек в Израиле, Испании, Белоруссии, Франции и Турции [Ibid.: 15–16].

Большинство исследователей выделяют три периода, или три волны, в истории постсоветской миграции из Грузии. Первая волна датируется 1990–1995 гг. и соответствует времени распада СССР и периоду военных конфликтов, вторая совпадает с экономическим коллапсом в Грузии в 1996–2004 гг., третья, начавшаяся в 2004 г., ознаменована экономическим подъемом и политической стабилизацией [Maroufof 2013: 9]. Среди мигрантов первой волны преобладали представители этнических меньшинств Грузии, во второй и третьей волнах большинство составляли экономические мигранты. Для миграции из Грузии в Россию важной вехой стал 2006 г. — год российско-грузинского «шпионского скандала»³, который можно считать «точкой невозврата» в российско-грузинских отношениях [Tchaidze, Torosyan 2009: 8]. После 2006 г. миграция из Грузии в Россию заметно сократилась [Chelidze 2012: 10].

В 2017 г. в Россию отправились 55,6 тыс. грузин, из них более 30 тыс. человек не вернулись, таким образом, составив официальное число мигрантов из Грузии на этот год [Большинство грузин 2018].

При наличии альтернативных и более привлекательных миграционных направлений, таких как Западная Европа, страны Северной Америки и Израиль, приезд существенного числа

---

³ Шпионский скандал — обострение отношений между Россией и Грузией в сентябре-октябре 2006 г. в результате задержания грузинскими спецслужбами российских военнослужащих по подозрению в шпионаже, приведшее к ответным санкциям со стороны России. Россия советовала своим гражданам не посещать Грузию, прекратила выдавать визы грузинским гражданам, прервала воздушное, наземное, морское и почтовое сообщение с Грузией, наложила ограничения на банковские трансферы с ней, что прямо ударило по тысячам граждан Грузии, работающих в России. Грузинские предприниматели оказались под прицелом чрезвычайных полицейских, налоговых и других инспекций, что повлекло за собой закрытие многих бизнесов, принадлежавших гражданам Грузии [Savvidis 2009: 51].

мигрантов последней волны в Россию может показаться парадоксальным. Выбор России в качестве направления миграции обусловлен сохранившимися личными связями грузинских мигрантов, удовлетворительным или хорошим владением русским языком, а также, видимо, относительно низкими финансовыми издержками, связанными с поездкой в Россию.

В статье обобщаются материалы полевого исследования новых трудовых мигрантов из Грузии в крупных городах России, проводившегося в 2017–2018 гг. Под новыми понимаются мигранты, приехавшие работать в Россию в течение последних семи лет. При этом большинство моих собеседников прибыли в Россию совсем недавно — в последние два-три года. Исследование проводилось среди работников грузинского общественного питания — кафе-ресторанов и точек-пекарен. Большая часть моих собеседников работает в достаточно крупной городской сети грузинских кафе и ресторанов «Марани», другая часть — в мини-пекарнях, два интервью было проведено с владельцем и сотрудницей ресторана грузино-азиатской кухни. Поиск собеседников осуществлялся преимущественно методом снежного кома, который дал существенный перекося в пользу мужчин в получившейся выборке⁴. Поскольку проект подразумевал использование транснациональной рамки, интервью проводились также с семьями трудовых мигрантов, оставшимися в Грузии. Спецификой данного полевого исследования стало регулярное общение с ключевым собеседником, случай миграции которого можно считать показательным или типичным (об этом подробнее будет сказано ниже). Эта особенность полевой работы отразилась и в структуре статьи: отдельные ее разделы посвящены миграционному кейсу ключевого собеседника и сети грузинских кафе и ресторанов, в которой работают он сам и другие участники исследования. В статье дается общий портрет новой миграции из Грузии в российские мегаполисы с фокусом на трудовые отношения и особенности функционирования сообщества сотрудников

---

⁴ Возможно, это также может быть объяснено преобладанием в сфере грузинского общественного питания в России сотрудников-мужчин (см. ниже).

в сетевых заведениях грузинского общепита, где задействован труд вновь прибывших мигрантов.

Большая часть полевых бесед не фиксировалась на диктофон, а записывалась по памяти через несколько часов после их окончания, поэтому большинство приведенных в статье цитат недословны. Все личные имена и некоторые имена собственные, использованные в тексте, изменены.

Трудовые мигранты из Грузии попадают в Россию и находятся здесь на иных правовых условиях, чем граждане других постсоветских республик. Существенная часть прибывших на заработки из Грузии — недокументированные мигранты. Недокументированность грузинских мигрантов — следствие нелегального въезда в страну или превышения срока пребывания, отведенного российской визой. Согласно цифрам (вероятно, сильно завышенным), которые приводит заместитель главы ФМС В.А. Поставнин, на 2006 г. в России работали до одного миллиона мигрантов из Грузии, при этом только 1 % из них трудился на легальных основаниях [Грузинские мигранты 2006].

В 2000 г. Россия ввела визовый режим с Грузией, причем визы оформлялись на основании приглашения ближайшего родственника. Сама процедура оформления виз была крайне затруднена, и на практике визовый въезд был невозможен для подавляющего большинства граждан Грузии. Условия выдачи российских виз гражданам Грузии были упрощены только в 2015 г. Однако полевое исследование показало, что значительная часть мигрантов, прибывших в Россию в 2016–2017 гг., все же не имела российской визы. С другой стороны, оформляющие визу и въезжающие легально трудовые мигранты, часто превышают отведенный срок пребывания в стране. Таким образом, трудовая миграция из Грузии в Россию в значительной мере носит недокументированный характер.

Мигранты из Грузии попадают в Россию, минуя пограничный контроль, для чего отправляются самолетом в Минск и далее добираются до российско-белорусской границы, которую пересекают, пользуясь неформальными услугами такси-«перевозчиков». Этот путь в Россию возможен благодаря тому, что для

въезда в Белоруссию гражданам Грузии не требуется виза и на белорусско-российской границе отсутствует строгий пограничный контроль [Многие граждане Грузии 2013]. Для мигрантов въезд в Россию через российско-белорусскую границу связан с крупными расходами, обусловленными тратами на неформальные услуги перевозчиков и пр.

Новые мигранты из Грузии

По данным беседы с выходцем из сельской Кахетии, живущим в России с 2001 г. (интервью с которым по характеру содержания можно назвать экспертным), большинство приезжающих в Россию в последние годы, согласно его формулировке, имеют «низкий уровень», то есть это малообеспеченные люди, пытающиеся справиться со значительными материальными затруднениями. Это подтверждает Эрин Траус Хофманн, которая пишет о том, что Россию в качестве направления миграции склонны выбирать более бедные и менее образованные граждане Грузии [Hofmann 2015: 827].

В основном новые мигранты работают в сферах общепита и строительства. Единицы занимаются бизнесом — импортом минеральных вод, овощей и фруктов. В грузинской среде, в том числе среди самих мигрантов, бытует мнение, что многие мигранты вовлечены в криминал («сюда приезжают либо работать, либо воровать») [ПМА 2017]. В представлении моего эксперта гендерный портрет миграции кажется сбалансированным: сфера строительства закреплена за мужчинами, в общепите много женщин: повара, официантки, уборщицы, пекари. По его мнению, среди трудовых мигрантов последних лет преобладающую возрастную группу составляют люди около 45 лет — это время, когда у многих дети уже выросли и становятся студентами, поэтому их можно оставить под присмотр родственников. Это мнение совпадает с результатами моих наблюдений среди новых грузинских мигрантов, работающих в заведениях общепита. Э.Т. Хофманн также пишет о том, что в Россию из Грузии приезжают трудовые мигранты в среднем более старшего возраста,

чем те, кто едет работать в Западную Европу или Грецию [Hofmann 2015: 827].

Согласно данным, приведенным в статье Э.Т. Хофманн, женщины составляют менее 30 % всех мигрантов из Грузии в России, около 70 % всех грузинских мигрантов в Грецию и около половины всех мигрантов в другие европейские страны [Hofmann 2015: 816]. По моим наблюдениям, в российских мегаполисах среди мигрантов из Грузии в сфере грузинского общепита в настоящий момент также преобладают мужчины. В Грузии принято считать, что женщины «лучшие мигранты, чем мужчины» [Lundkvist-Houndoumadi 2010: 53–60]. По данным, приведенным в статье Маргариты Лундквист-Хундумади, 100 % женщин-мигранток из Грузии отправляют переводы семье ежемесячно, в то время как то же самое делают только 36 % мужчин, 45 % мужчин отправляют переводы раз в два-три месяца, а 19 % — раз в 4–6 месяцев [Ibid: 53]. По словам моей собеседницы из-под Кутаиси, «мужчины много тратят [katsi mkharjvelia], лучше, чтобы они оставались дома» [ПМА 2017].

По наблюдениям эксперта, среди грузинских мигрантов выделяются выходцы из Западной Грузии, особенно женщины-имеретинки, которые приезжают работать в кафе. Та же собеседница из-под Кутаиси подтвердила тезис об активном участии в миграции женщин из Имеретии (край Грузии, к которому относится Кутаиси), сказав, что из этого края мужчины редко уезжают на заработки, большинство трудовых мигрантов отсюда — женщины [ПМА 2017]. В то же время, по ее же словам, именно в Россию в последнее время на заработки отправляются немногие, это преимущественно мужчины, которые едут по приглашению знакомых работать в российские рестораны [ПМА 2017]. По мнению эксперта, в целом в России среди грузинских трудовых мигрантов больше мужчин из Западной Грузии, независимо от сферы труда. В частном дискурсе в Грузии нередко звучит тезис о том, что сельские регионы западной части страны пустеют в результате масштабной миграции, так что можно предположить, что, действительно, в крупных городах России среди грузинских мигрантов могут преобладать выходцы из Западной Грузии.

Среди трудовых мигрантов из Грузии, работающих в грузинском общепите, мне не встречались молодые девушки, совсем молодых мужчин также немного. Старшие члены семьи стараются не отпускать в миграцию молодых мужчин до 25 лет, поскольку связывают это с определенными рисками. По их мнению, в миграции молодые мужчины могут попасть в преступную среду или начать употреблять наркотики, эти представления нередко фигурируют в частном дискурсе. Так, моя собеседница из-под Кутаиси рассказывает о своем сыне, уехавшем в Россию вместе с отцом: «Я бы парня такого возраста одного не отпустила. Ему в мае двадцать три исполнилось. Я не доверяю такому ребенку, все же он еще ребенок. С отцом — да. Его ровесники поехали в Турцию, он хотел с ними, я не отпустила. И не из-за здоровья (у молодого человека проблемы со здоровьем. — Е.З.). У молодых другие мысли, они ненадежные, чтобы их так отпустить» [ПМА 2017]. Другой информант, из-под Гори, рассказывая о том, почему он после колебаний отпустил сына работать в Россию, тоже затронул возрастную специфику: «Он взрослый парень, тридцать лет будет, женился бы, пусть будет там, где ему будет хорошо. Пусть спокойно присмотрится, взвесит, где ему будет лучше. Он прошел такой период, что в том возрасте он нигде не допустил ошибок. Вот когда ему было 18–19, 16–17, вот переходный период, он этот период прошел очень чисто, хорошо. А тридцатилетний человек — уже сформировавшийся человек» [ПМА 2018].

Большинство новых мигрантов приезжают работать в кафе и ресторанах российских городов по приглашению знакомых, то есть, покидая Грузию, они уже знают, что в России их ждет конкретное рабочее место и обычно, хотя бы на первое время, жилье. В Россию приезжают сначала на 2–4 года, потом уезжают, но, по данным экспертного интервью, «90 % возвращаются» [ПМА 2017]. Безвыездно остаются так надолго потому, что выезжать без документов дорого — нужно платить большой штраф и взятки на границе. Также, по оценке эксперта, наиболее подвижны в своих жизненных стратегиях люди малообеспеченные. Ни один из новых мигрантов, с которыми я общалась в ходе исследования, не собирался оставаться в России навсегда, все выражали на-

дежду, что уедут отсюда, как только с помощью заработанного здесь поправят материальное положение своей семьи или реализуют другие свои планы на миграцию.

В Грузии и в частных разговорах, и в медиа много говорят о проблеме кредитной кабалы, долгах по кредитам и микрозаймам, и, как подтверждают данные интервью, действительно, к миграции многих толкают банковские долги (так, у нескольких моих собеседников квартиры были заложены в банке).

Прежде всего в Россию едут ради стабильного заработка и более высокой, чем в Грузии, зарплаты (как минимум в два раз больше, чем в Грузии). Хотя, как сказал один из моих собеседников, «сегодня в Грузии уже не нужно быть безработным», имея в виду, что проблема безработицы уже не стоит так остро, как в 1990-е — начале 2000-х годов. Однако в провинции и сельской Грузии, откуда едут в Россию или с которыми связаны происхождением многие грузинские мигранты, работы очень мало, а зарплаты крайне низкие (часто они составляют 10–13 тыс. в рублевом эквиваленте).

Мужчины в Грузии по возможности стараются избегать работы по найму и стремятся к самозанятости. Часть трудовых мигрантов приезжает в Россию в надежде через какое-то время открыть здесь собственный бизнес. Как сказал один из моих собеседников, в Грузии у него нет возможности реализовать свои планы, то есть начать свое дело. По его словам, «там [в Грузии] очень плохая ситуация. Ниши заняты иностранцами, а в том бизнесе, мелком, очень мелком, где грузины, огромная конкуренция» [ПМА 2017].

Еще одна из предпосылок миграции — гнет обязательств реципрокности, которые в Грузии сильны и многочисленны. Так, один из мигрантов рассуждает следующим образом: «У меня такой характер, что если я деньги получил, к вечеру их у меня уже не будет. Там [в Грузии] столько людей, не общаться с ними я не могу. Столько обязательств. Поэтому уж лучше я буду в России работать, один. В Грузии невозможно заработать, там dzmakatsebi [груз. сленг. «друзья»], там другие дела» [ПМА 2017]. Как говорят мои собеседники, обязательства, связывающие человека в Грузии, не только подразумевают постоянные траты, но

и отнимают время, не позволяя в достаточной мере погрузиться в работу.

Мигрантам из Грузии, приехавшим по приглашению трудиться в грузинских кафе, ресторанах или пекарнях, независимо от того, сетевые это предприятия или нет, везде предлагаются приблизительно одинаковые условия труда. Сотрудники заведений грузинского общепита работают более двенадцати часов в день, часто подолгу без выходных дней или с одним выходным, предоставляемым произвольно и нерегулярно. Проблема с выходными обусловлена отсутствием или сложностью выделения сменщиков. Однако и сами мигранты склонны по мере сил работать без выходных, поскольку зарплату они получают поденно. В среднем зарплата повара или пекаря составляет 1500–2000 рублей в день и зависит от выручки. В связи с этим важно, какой именно день будет нерабочим, поскольку в пятницу и выходные выручка больше: «Возможно, мне дадут среду, это бы хорошо, потому что это середина недели, как раз удачно отдохнуть перед большим наплывом в конце недели. И в среду меньше народа — значит, меньше выручка. Меня не устроил бы выходной, например, в пятницу, когда выручка большая. Мы ведь работаем за выручку» [ПМА 2017]. Мигрантам не предоставляются оплачиваемые отпуска и больничные.

Обычно наниматель арендует вызванным из Грузии сотрудникам квартиру или комнату на несколько человек, за которую они либо платят сами, либо стоимость аренды вычитается из их зарплаты. Если предприятие сетевое и сотрудников много, состав жильцов таких корпоративных квартир достаточно текуч. Мигранты из Грузии рассказывают о больших сложностях, связанных с поиском жилья, сетуя на то, что выходцам из Центральной Азии его сдают гораздо охотнее.

Недокументированность становится препятствием для свободного перемещения мигрантов по городу: они передвигаются преимущественно на такси, избегая публичных пространств, где высока вероятность попасть на глаза полицейским.

Новые мигранты из Грузии часто плохо владеют русским языком: обычно это пассивное знание, с достаточно слабой раз-

говорной компетенцией и средней или хорошей способностью к пониманию на слух. Языковая проблема вкупе с недокументированностью затрудняют недавно прибывшим мигрантам самостоятельное решение вопросов, связанных с жильем, здоровьем, документами.

Сеть грузинских кафе «Марани»

Определенные преимущества для мигрантов имеет работа в сетевых предприятиях, подобных тому, с сотрудниками которого я беседовала в рамках этого исследования. Работа в сетевом заведении привлекательна тем, что дает стабильность — гарантию, что работа будет, зарплата будет выплачена (причем вовремя). В кафе сети «Марани» работают не только выходцы из Грузии, в интервью мне говорили о сотрудниках украинцах, молдаванах, азербайджанцах (то есть тоже мигрантах), русских, в том числе местных, однако подавляющее большинство из них все же грузины. Не все из них — вновь прибывшие мигранты, есть и мигранты других волн. Заметный этнический компонент штата заведений грузинского общепита составляют выходцы из Центральной Азии — женщины, которые работают на низкоквалифицированных позициях уборщиц, мойщиц посуды, помощниц на кухне. Их присутствие объясняется высокими издержками, связанными с приглашением сотрудников из Грузии, по этой причине оттуда импортируют только более или менее квалифицированный персонал. Новые мигранты из Грузии работают без документального оформления трудовых отношений, хотя, как говорят мои собеседники, с другими мигрантами, например молдаванами и украинцами, трудовые договоры заключаются [ПМА 2018]. Они же склонны брать выходные дни и получают их.

Поиск новых сотрудников в «Марани» проводится с использованием личных связей. Так, владелец «Марани» происходит из N района Западной Грузии, и значительное число сотрудников также являются выходцами из этого района. Находящиеся на хорошем счету у руководства сотрудники могут договариваться

о возможности пригласить на работу членов своей семьи, это еще один способ рекрутинга в сеть.

В двух интервью с сотрудниками-мигрантами из Грузии звучали сетования на то, что выходцы из Центральной Азии, работая рядом с грузинами в грузинских кафе, осваивают грузинскую кухню и потом идут работать в другие кафе, предлагающие грузинскую кухню, уже поварами и пекарями. Один из собеседников, внешность которого нельзя назвать типично кавказской или южной, в подтверждение того, что «клиенты хотят видеть грузин», рассказывал случай, когда посетители кафе, увидев его, посетовали, почему в грузинском заведении работает не грузин: «Ужас, что происходит в [Марани]. Набирают работать русских, узбеков. Потом клиенты уже этим недовольны, почему не грузины. Однажды на меня пожаловались, почему у вас пекарем русский работает» [ПМА 2017]. Очевидно, что сотрудники грузинских кафе и ресторанов в России считают нишу грузинского общественного питания неотделимой от грузинского этнического контекста.

«Марани» сдает право пользования своим товарным знаком, а также некоторые свои кафе в аренду. Обычно сдаются не вполне успешно работающие кафе, их часто арендуют одной семьей, с тем чтобы члены семьи обеспечивали работу кафе своими силами, что, позволяя минимизировать зарплатные издержки, делает заведение рентабельным. Несмотря на то что все кафе сети используют одно и то же сырье, по оценке моих собеседников, качество продукции и уровень сервиса в разных кафе различаются, что обусловлено уровнем профессионализма и разным отношением к работе.

Высший уровень руководства «Марани» представлен владельцем и менеджерами. Первоначально менеджер был один, но с ростом сети ее фактически разделили: одна часть кафе попала под начало одного менеджера, вторая — другого. Следующий уровень руководства — администраторы и «проверяющие» [ПМА 2018]. Руководство «Марани» затрачивает особые усилия на анализ рынка и отслеживание конкурентов: «Они мониторят новые грузинские рестораны, у них типа разведки, кого-нибудь засы-

дают выяснять в новые рестораны, что там и как» [ПМА 2017]. Руководство стремится предотвратить обусловленное стремлением к поиску лучшего места «блуждание» сотрудников между ресторанами города. Так, в сети известно, что тот, кто отправился пытать счастья в другом кафе, вряд ли сможет вернуться на работу в «Марани». Интересно, что, по словам моих собеседников, это негласное правило не распространяется на тех, кто попытался уйти, чтобы начать свое дело, но решил вернуться: «Они по-разному относятся, если уйти в другие кафе или ради своего бизнеса. Если ради своего бизнеса, то нормально» [ПМА 2018]. Стиль управления, свойственный руководителями разных уровней, ощущается сотрудниками как малопредсказуемый и не очень последовательный: «Не поймешь, что за руководство, где-то они хорошо управляют, где-то странные вещи делают. <...> у каждого [руководителя] свой какой-то стиль. Один администратор сразу чуть что выписывает штрафы, без разговоров, другой делает замечания. Вот сегодня он пришел, сказал, что надо покрасить тоне⁵, я мог бы сделать это потом, это не срочно, но я делаю сразу, потому что знаю, что если я не сделаю, ему попадет от начальства» [ПМА 2018]. Помимо штрафов, в качестве дисциплинарной меры в сети используется также, например, временное отстранение от работы. В конфликтных ситуациях представители верхнего слоя управленцев «Марани» склонны априори вставать на сторону руководящих сотрудников: «Трудно работать, и физически трудно из-за всей этой неразберихи. Очень слабое управление. Начальство ставит на администраторов и барменов, слушает только их и верит только им в любом конфликте» [ПМА 2018].

Трудовые отношения с сотрудниками-мигрантами в Марани регулируются устными договоренностями. Когда я спросила одного из своих собеседников, сможет ли он, если уладит вопрос со своими документами, просить официального оформления на работу и обеспечения вытекающих из него гарантий, он объяснил, что добиваться последнего невозможно именно из-за лич-

---

⁵ Тоне — печь для выпечки традиционного хлеба.

ного, договорного характера трудовых отношений: «Нет, это получится как измена, если я начну что-то требовать, так не принято. Может, по документам и оформят, но все равно выходные будут давать, когда сами скажут и так далее» [ПМА 2017]. Обязательства руководства сети перед работниками также помещаются в сферу межличностных отношений, формулируются в этических терминах, как, например, в следующем случае. У одного из моих собеседников, работника «Марани», случился острый конфликт с руководством сети, мой собеседник предполагал, что он потеряет работу. Руководство в разговорах с сотрудником, давая понять, что готово с ним расстаться, угрожало тем, что возьмет ему билет домой. На мой вопрос, почему руководство предполагает, что должно само взять ему билет, он ответил: «Чтобы снять ответственность за меня перед моими [перед его семьей в Грузии], если они [семья] позвонят и спросят, что со мной, администрация скажет, что они отправили меня в Грузию» [ПМА 2018]. Ответственность работодателя здесь трактуется как обязательства, возникающие даже не перед самим работником, а перед его семьей в Грузии.

Отношение к сотрудникам и предоставляемые им условия труда в значительной мере зависят от их репутации в сети, поэтому сотрудники стараются заслужить высокую репутацию: «Я на очень хорошем счету в [«Марани»], я это знаю. Я работаю, как обычно, скромно, но я знаю, что меня очень ценят. И мне сказали, как только у тебя будут документы, привози жену, мы ей дадим работу в том же кафе с тобой. И я знаю, что ей дадут работу» [ПМА 2017].

Репутация и статус в сети — важная ценность и ресурс в коллективе сотрудников «Марани» — поваров и пекарей. Острая озабоченность своим статусом в коллективе прослеживается в повседневных конфликтах между сотрудниками, о которых рассказывали мои собеседники. Происходящее в миграции частичное дистанцирование от пространства социальных связей внутри отправляющего сообщества делает возможными попытки конструирования внутри сети мигрантов новой репутации. Репутацию в отправляющем сообществе Грузии очень сложно

скрыть: благодаря прежде всего крепким родственным связям социальные сети здесь очень густые и «сшивают» разные социальные слои, социально важная информация распространяется быстро. В миграции же человек может попытаться создать себе новую репутацию, что иногда приводит к казусам, подобным ситуации, описанной моим собеседником: «У Шалвовича в Тбилиси умер отец. Все в [«Марани»] собирали для его отца деньги. Все послали по две-три тысячи, я перевел пять тысяч рублей Илико [сыну говорящего, находящемуся в Тбилиси] и попросил его отнести родным умершего и принести соболезнования. Этот сын покойного никак не говорил адрес, говорил то Мтацминда, то Темка [вернакулярные названия кварталов в Тбилиси]. Так и не сказал. В итоге к Илико сами пришли [кто-то из близких сына покойного], и это были такие типы, с которыми и здороваться-то стыдно. Этот Шалвович здесь ведет себя будто он *kaï bich'i* [высокий статус в грузинской мужской культуре], а на самом деле, видимо, он такой человек, с которым вообще нельзя дело иметь, он, прости за грубость, *prochi* [низкий статус в грузинской уличной культуре, ассоциирующийся с ненадежностью, невозможностью положиться на человека]» [ПМА 2018].

Сеть предоставляет не только занятость, часто она является единственным сообществом, к которому новый мигрант принадлежит в России, и практически единственным источником его социальных контактов на новом месте (ср. [Kim 2009: 499]). В «Марани» принята практика взаимопомощи, например сбор денег в экстренных ситуациях — в случае болезни, проблем с документами, полицией и пр. Сотрудники-негрузины также отчасти вовлекаются в этот круг реципрокности: «Вообще [«Марани»] в этом смысле хороша. Если что — все собирают деньги. Это большая поддержка. Даже Алена, она узбечка, — что ей грузины — когда собирали деньги на Резо, дала пятьсот рублей» [ПМА 2018]. Живущие вместе на корпоративных квартирах беспокоятся, если кто-то из жильцов задерживается допоздна, предупреждают друг друга звонками, если на пути домой видели полицию, помогают приобретать лекарства и организовывать медицинскую помощь. Вот как рассказывает мой собеседник

о помощи, оказанной ему коллегами по «Марани», когда он заболел:

Собеседник: «Пригласили того же врача, что и в прошлый раз. Пришел один парень, не сказал, кто он, откуда, денег не взял. Поставил капельницу».

Исследователь: «Вы даже не знаете, откуда врач?»

Собеседник: «Меня тоже это заинтересовало. Наверное, он потому не сказал, чтобы я не пытался отблагодарить» [ПМА 2017].

В силу принятой в «Марани» взаимопомощи обязательства реципрокности, тормозившие, по мнению мигрантов, их индивидуальное экономическое продвижение в Грузии, возникают и в миграции. Они подразумевают не только помощь работающим в сети коллегам-мигрантам, но и их семьям в Грузии. Деньги собираются в случае болезни или смерти родителей и пр. Один из собеседников рассказал о случае, когда молодой мужчина пытался перевезти через российско-белорусскую границу с таксистом-перевозчиком жену с трехлетним ребенком, но что-то пошло не так, в результате жена въехать в страну не смогла, и он оказался в России с ребенком один. Будучи вынужден заботиться о маленьком ребенке, работать он не мог, и полгода «парни из [«Марани»] вместе его содержали» [ПМА 2018]. Груз обязательств реципрокности и сложность построения формальных отношений внутри сети осознаются мигрантами. Видимо, именно это понимание можно считать причиной, например, нежелания привлекать в качестве компаньонов грузин при построении собственного дела, чем поделился со мной один из собеседников.

Сотрудники «Марани» образуют тесное и достаточно замкнутое сообщество людей, оказавшихся без социальной поддержки и лишённых доступа к обеспечиваемым государством базовым общественным благам: здравоохранению, правосудию, безопасности. В «Марани» все друг друга знают, сотрудники-мигранты заходят друг к другу в кафе, обмениваются новостями, вместе отмечают дни рождения и другие праздники. Как рассказал один из моих собеседников, живущий на корпоративной квартире, даже дома «все разговоры вертятся вокруг [«Марани»]». Локации кафе сети становятся главными точками отсчета в ос-

воени мигрантами городского ландшафта. Мигранты ценят это ощущение домашнего, социально и физически освоенного пространства. Один из собеседников называет это в качестве одной из причин, почему он не хочет менять работу: «Я не хочу в другую сеть переходить или в другой ресторан. Тут я всех знаю, в какое бы кафе [из сети «Марани»] я ни зашел, везде уже знакомые, везде свои» [ПМА 2018]. В то же время один из моих собеседников с горечью говорил о временности и неотделимости от контекста миграции возникающих здесь связей: «Люди здесь ведут себя как друзья, но в Грузии как будто это все кончается, как будто их отношения не действуют. Не понимаю, почему они так себя ведут — как будто больше никогда не окажутся в России» [ПМА 2018].

Случай Гелы

Гела, мужчина сорока восьми лет, работает два года в «Марани» пекарем, выпекающим хачапури, лобиани и другие мучные изделия в печи. (В «Марани» нагрузка по выпеканию хачапури и хлеба в тоне обычно распределяется между разными пекарями.) На вопрос о том, как он попал в «Марани», Гела рассказал, что, хотя у него и раньше возникали мысли о возможности отправиться зарабатывать за пределы Грузии, ясно осознанного плана трудовой миграции у него не было: «То, что я попал сюда, — случайность. Встретил на улице старого знакомого, он и предложил. Но, вообще, я думал и раньше, что можно поехать работать. А он сказал, что я приеду, и сразу будет и работа, и квартира» [ПМА 2017]. Гела однажды уже приезжал в Россию в старшем школьном возрасте вместе с матерью, когда ему потребовалась операция, которую нужно было делать у московского врача. Родственников в России или других биографических связей со страной у Гелы нет. Гела въехал в Россию через Минск, без визы. За два года миграции он ни разу не ездил в Грузию.

Одним из толчков к миграции для Гелы стал долг по кредиту, который ему пришлось взять, когда он предпринял попытку открыть свое дело — хачапурные в большом поселке в Кахети,

откуда он родом. В Грузии у Гелы остались жена и двое детей чуть старше двадцати лет, у которых есть работа и свои семьи. Еще одним фактором, повлиявшим на миграцию Гелы, стала тяжелая болезнь внучки, на реабилитацию которой ежемесячно требуются достаточно большие средства.

«Миграционный портрет» Гелы кажется типичным для соотрудников из Грузии, работающих в сети кафе и ресторанов «Марани», а также для других грузинских мигрантов, приехавших работать в «этнических» кафе, ресторанах и пекарнях мегаполиса в последние семь лет. Как было сказано, значительная часть мигрантов из Грузии, работающих в заведениях грузинского общепита, — это люди средних лет, с детьми (часто — взрослыми). Все сотрудники, которых я встречала за время исследования в «Марани» и других заведениях грузинского общепита, происходили из провинции — небольших городов, сел и поселков⁶; во всех кафе, ресторанах и пекарнях подавляющее большинство новых мигрантов составляли мужчины. Многих опрошенных к миграции подтолкнули долги по кредитам. Таким образом, по возрастным, гендерным характеристикам, по критериям а) происхождения не из крупных городских центров, б) недокументированности, в) способа найма на работу (приглашение) случай миграции Гелы может рассматриваться как показательный.

Гела и в Грузии достаточно долго работал пекарем, пытался запустить тоне и хачапурную в своем и близлежащих поселках, но, как он говорит, конкуренция оказалась высока, в поселке открылось много подобных точек. Гела считает себя профессиональным пекарем, но всегда был гибок и готов браться за самые разные занятия. Труд занимает значительное место в жизни Гелы: «Я привык трудиться, отец всех нас заставлял трудиться, сколько я себя помню, все время работаю» [ПМА 2017]. В отличие от брата и сестры, он не получил высшего образования — очень

---

⁶ Согласно Э.Т. Хофманн, Россию как миграционное направление более склонны выбирать жители провинции и сельских областей Грузии [Hofmann 2015: 827].

рано женился, и нужно было кормить семью. Гела пытался попробовать себя и в сельском хозяйстве. Посадил помидоры, но и здесь не было удачи, весь урожай пропал: «Почва, видимо, оказалась неподходящая, слишком много кальция, как сказали, и урожай погиб. Вообще если начинаешь новую культуру, если правильно делать, то надо брать пробу почвы. Весь урожай помидор испортился. Все пришлось отвезти скотоводу для скота» [ПМА 2017]. Гела сам до конца не понимает, в чем была причина его неудач: «В какой-то момент я упустил что-то, даже точно не могу сказать, где я конкретно ошибся. Я просто не рассчитал. Ну а что я, я крестьянин, все крутился-крутился и что-то упустил. Взял долг в банке, у меня уже был долг. Потом еще посеял кукурузу. Постепенно свернул эти тоне. Везде, в каждом сегменте были допущены разные ошибки» [ПМА 2017].

Как и большинство мигрантов, Гела работает с девяти утра до десяти вечера, с очень редкими выходными. За первые пять месяцев работы в России у него был всего один выходной. В нечастые выходные он остается дома, занимается стиркой и уборкой, заходит в близлежащее кафе «Марани» пообщаться со знакомыми. При фактическом отсутствии досуга Гела ценит даже такие его короткие моменты, как возможность пару сотен метров прогуляться пешком после окончания рабочего дня — он с удовольствием подчеркивает, что «завел практику» ходить пешком до места, где он встречается с сослуживцами, чтоб ехать вместе домой. Гела живет на корпоративной квартире, снятой для сотрудников «Марани» на расстоянии 7–8 автобусных остановок от его места работы. Вместе с ним в этой двухкомнатной квартире живут еще пять человек, периодически состав жильцов меняется. У Гелы хорошие отношения с коллегами-соседями по квартире, но он часто говорит о невозможности по-настоящему отдохнуть дома, побыть одному, о нехватке личного пространства: «Я могу работать сколько угодно, могу делать тяжелую работу, но дома я должен отдыхать» [ПМА 2017]. Он периодически делает попытки снять отдельную комнату или даже квартиру в непосредственной близости от кафе, но опасения, что при отсутствии документов это может быть небезопасно, а также

время от времени возникающие перспективы перевода в другие кафе сети каждый раз препятствуют принятию окончательного решения.

Для Гелы очень важно, насколько успешно работает «его» кафе, и он с гордостью рассказывает, что у них больше посетителей за день, чем в другой «точке» Марани, хотя та и имеет формат ресторана. Он сильно переживает, если в кафе происходят какие-то накладки, волнуется, что посетители заметят это и будут недовольны. Когда у Гелы появилась перспектива поездки домой, он волновался о том, что будет с кафе в его отсутствие, боялся, что налаженный им режим работы будет нарушен. Гела с увлечением рассказывает о качестве теста, о том, что легко может отличить «свое» тесто от теста, приготовленного кем-то другим.

Крайне ограниченное общение с посетителями кафе становится единственным соприкосновением Гелы с людьми из принимающего общества, и ему важно чувствовать, что посетители относятся к нему с уважением: «Вообще хорошо, что люди не смотрят на тебя сверху вниз на улице, относятся с уважением, посетители кафе с уважением. Постоянные клиенты, которые все время приходят, спрашивают, как дела. Это важно. Если бы было по-другому, сложно было бы» [ПМА 2017]. Впрочем, общение с посетителями тоже ограничено — по той причине, что Гела, боясь ошибок в русском языке, стесняется говорить при коллегах-грузинах, которые знают русский лучше него, и в основном передоверяет все русскоязычное общение им.

Гела первоначально планировал остаться в России на пять-шесть лет, но по прошествии времени понял, что этого срока недостаточно, чтобы воплотить в жизнь планы, с которыми он сюда ехал — Гела хочет начать свое небольшое дело в России: «Уже год прошел, а я еще сделал немного. Для того чтобы появились знакомства, информация, нужно время. Хочу остаться надолго, просто буду ездить в Грузию» [ПМА 2018]. Он считает, что в Грузии нет тех возможностей для развития малого бизнеса, которые существуют в российском мегаполисе. Гела говорит, что время, которое хочет прожить в России, он отсчитывает

не с момента приезда, а с момента начала своего бизнеса. Открытие собственного дела для Гелы — вопрос не только материального успеха, но и личной реализации.

Гела мечтает открыть свое кафе-хачапурную, где бы он сам стал работать пекарем. Также Гела рассматривает вариант покупки шаурменного аппарата, чтобы добавить к грузинской выпечке приготовление шаурмы (Гела говорит, что не пробовал здесь такой хорошей шаурмы, как в Тбилиси). В случае добавления к грузинской выпечке шаурмы пришлось бы нанять еще одного человека, который готовил бы начинки для хачапури и лобиани. В какой-то момент Гела решил, что хочет освоить приготовление горячего, и даже просил руководство «Марани» дать ему возможность поработать на горячем в свой выходной, считая, что этот навык может ему пригодиться, когда он откроет свое дело.

Уже менее чем через год после приезда Гела стал присматриваться к сдаваемым в городе объектам общепита, которые могли бы подойти под его задачи. Как говорит Гела, в городе подобные точки обычно сдают азербайджанцы, иногда армяне, и часто в отношении этих объектов у них уже есть неформальные договоренности с проверяющими инстанциями и полицией (как говорит Гела, они «покровительствуют» (*patronoben*) этим точкам и «улаживают» все вопросы) [ПМА 2018]. Это делает такие объекты более привлекательными по сравнению с передвижными вагончиками-пекарнями, в случае аренды которых нужно согласовывать свою деятельность с городскими властями. Один азербайджанец предлагал Геле сдать ему свою пекарню в аренду, с тем чтобы брать у него часть продукции на реализацию в магазины.

Работая в «Марани», Гела пытается откладывать деньги, которые ему понадобятся, чтобы вложить в собственную «точку». Не менее важная задача, стоящая перед ним на пути к открытию своего дела, — решение проблем с документами.

Гела мечтает о том, что в перспективе, когда у него в России будет бизнес со стабильным доходом и вопрос с документами будет улажен, он откроет скотоводческую ферму в родной деревне

в горах. Несмотря на то что и в этой сфере, по его словам, в Грузии рынок насыщен, Гела надеется на успех: «Я считаю, что у меня преимущество — очень хорошие ресурсы. Еда для свиней бесплатно — орехи, ягоды, плоды, все это падает, не собирается. На пастбищах пусто, коров нет. В селе было двенадцать дымов, а сейчас всего три коровы» [ПМА 2017]. В первую нашу встречу Гела показал мне картинку в мобильном телефоне, на которой усатый пожилой грузин в чохе (черкеске), облокотившись одной рукой на бочку, а другой держа глиняный кувшин, сидит, задумавшись и прикрыв глаза, видимо, в комнате-кладовке своего дома или в марани⁷, и сказал, что представляет себя таким в старости. В конце жизни Гела видит себя исключительно в Грузии.

Гела получает 2000 рублей в день, и он с удовольствием отмечает, что из-за большой нагрузки у него самая высокая зарплата в сети для такой должности. Его ежедневные траты состоят в расходах на дорогу, сигареты, еду и бутилированную воду. По истечении года после приезда Гела еще не начал откладывать деньги, но выплатил большую часть долга по банковскому кредиту. Таким образом, большую часть заработанных денег он отправляет семье в Грузию.

Поначалу Гела планировал, что пригласит в Россию жену, чтобы она тоже начала работать в «Марани». В какой-то момент он рассматривал возможность арендовать одно из кафе «Марани» с расчетом, что привезет работать в этом кафе всю семью: жену и детей с их семьями. Позже он передумал, когда понял, что для того, чтобы ухаживать за больной внучкой, кто-то из членов семьи должен оставаться дома и не работать, и это делало предприятие нецелесообразным. Со временем Гела отказался и от идеи приглашения супруги. Как он объяснил, «если она приедет, то все заработанное мне придется тратить на семью, посылать в Грузию. А я хочу что-то скопить на свое будущее дело, вложить в будущее» [ПМА 2018]. Ожидания семьи в отношении заработка Гелой в миграции средств не совпадают с его видением

---

⁷ Марани — хранилище для вина.

стратегии их использования — семья ждет регулярных трансферов к определенным датам, он пытается откладывать на будущее. К тому же определенная часть трат Гелы связана с обязательствами реципрокности, которые возникли у него в миграции внутри сообщества «Марани», что непонятно семье. Непонимание и несоответствие ожиданий одной стороны и намерений другой порождает семейные конфликты. Гела сетует и на непонимание семьей того, как непроста его жизнь в России.

Когда Гела только приехал в Россию, он испытывал энтузиазм по поводу своей новой жизни. Потом наступил период неприятия новой действительности. Как он вспоминает, «все было незнакомое, непривычное и поэтому раздражало» [ПМА 2018]. Постепенно он освоился в новом пространстве и нужных для жизни в городе технологиях. Например, если в первое время он пытался снять жилье, опрашивая знакомых, и совсем не знал города, то через полтора года он был уже уверенным пользователем сервисов Avito, карт и навигатора в мобильном телефоне, приложений для заказа такси («Яндекс»), и как он сам говорит, у него «более или менее сложилась в голове карта города» [ПМА 2018]. По прошествии более полутора лет он признает, что чувствует себя в России гораздо лучше, чем в начале.

Гела говорит, что в сложные периоды находится на грани от усталости, переживает, что начинает раздражаться на людей, посетителей кафе. Тем не менее он никогда не просит о выходных и каждый раз объясняет это самолюбием, которое не позволяет ему заговорить с руководством об их предоставлении, добавляя, что «они сами должны понять» [ПМА 2017]. В такие кризисные периоды Гела остро чувствует свою отделенность от принимающего общества: «Да, я вижу, что город красивый, вижу архитектуру, но мне здесь не нравится. Для людей на улице я как будто не существую» [ПМА 2017]. Происходя из сельской местности, Гела привык много заниматься домом, хозяйством, землей, бывать на природе. Это еще больше осложняет адаптацию к чужому большому городу. Гела признается: «Всего, что меня в жизни радует, тут нет. Иду на работу, как пустой ящик». Отсутствие новых впечатлений и времени на досуг, возможности откло-

ниться от маршрута «дом–работа», круг общения, ограниченный коллегами по сети — такими же мигрантами, не только способствуют чувству изолированности от проходящей вокруг этих мигрантских сообществ жизни, но и создают ощущение, что смены пространства не произошло. Как говорит Гела: «Я живу здесь, а в реальности я как будто все равно живу в Грузии» [ПМА 2017].

Выводы

Несмотря на появление новых направлений миграции в постсоветское время, Россия и сегодня остается одним из привлекательных миграционных направлений для граждан Грузии. Постсоветская трудовая миграция из Грузии в Россию носила преимущественно недокументированный характер. Одной из важных предпосылок для этого являлось установление Россией в 2000 г. жесткого визового режима для граждан Грузии. Несмотря на упрощение визовых условий в 2015 г., трудовая миграция из Грузии по настоящее время остается в основном недокументированной: мигранты въезжают в Россию без документов или превышают отведенное визовыми условиями время пребывания в стране.

В рамках постсоветского периода можно говорить о трех миграционных волнах из Грузии в Россию: потоках «этнических» мигрантов в первой половине 1990-х годов, мигрантах времени экономического коллапса в Грузии, покинувших страну с 1996 по 2004 г., и миграционной волне периода стабилизации политической и экономической ситуации в Грузии после 2004 г. В последний период особо выделяются мигранты, отправившиеся в Россию уже после обострения отношений между двумя странами, последовавшего за «шпионским скандалом» 2006 г.

Полевые данные свидетельствуют о том, что среди мигрантов последних лет преобладают трудовые мигранты — малообеспеченные люди, приезжающие в Россию с целью улучшить благосостояние своей семьи. В ходе полевого исследования был зафиксирован один из распространенных в последние годы типов

трудоустройству из Грузии в российские мегаполисы: приезд по приглашению работодателя на работу в заведениях грузинского общепита. Среди трудовых мигрантов последних лет заметную группу составляют мужчины и женщины среднего возраста, часто имеющие взрослых детей, причем среди новых мигрантов преобладают мужчины. В ходе исследования я не встретила молодых девушек, приехавших работать в заведениях грузинского общепита в последние годы, молодых мужчин (до 23–25 лет) также мало. Последнее может объясняться в том числе опасениями семей, считающих рискованным отпускать из-под надзора в миграцию молодых людей, поскольку те, с их точки зрения и согласно распространенному в Грузии дискурсу, на чужбине могут быть втянуты в криминал или наркопотребление (ср.: [Hofmann 2015: 822]).

К трудовой миграции в Россию граждан Грузии толкает не столько безработица, сколько низкие зарплаты, долги по банковским кредитам, а также гнет реципрокных обязательств перед родственниками и друзьями, в котором многие мигранты видят препятствие индивидуальному экономическому росту.

Предприятия грузинского общепита демонстрируют единоеобразие условий труда, предлагаемых мигрантам: не закрепленные трудовым договором отношения, рабочий день, превышающий 12 часов, редко и обычно произвольно предоставляемые выходные, отсутствие оплачиваемых отпусков и больничных, сходный размер зарплат. Часто мигрантам предоставляется возможность жить на корпоративной квартире, которую снимает для них работодатель. Недокументированность грузинских мигрантов и постоянная угроза депортации накладывают ограничения на их передвижение по городу, которое сводится к маршруту автобуса или такси из дома на работу и обратно. Часто новые грузинские мигранты не вполне владеют русским языком, что вместе с недокументированностью препятствует их адаптации в мегаполисе.

Предприятия грузинского общепита полиэтничны: здесь работают грузины-мигранты разных волн, а также другие мигранты — узбеки, азербайджанцы, молдоване. Среди сотрудников

можно встретить и местных русских. В представлении мигрантов — сотрудников грузинских кафе и ресторанов российского мегаполиса — ниша грузинского общепита по праву «рождения» закреплена за «этническими» грузинами, поэтому конкуренция, которая появляется в этой сфере в лице профессионально освоивших грузинскую кухню мигрантов из Центральной Азии, вызывает раздражение.

Яркий пример корпоративного сообщества грузинских мигрантов представляет одна из сетей кафе и ресторанов грузинской кухни, в которой проводилась полевая работа. Рекрутинг в сеть происходит преимущественно по социальным каналам руководителей, по рекомендации или ходатайству сотрудников, находящихся на хорошем счету в сети. Трудовые отношения между руководством и сотрудниками не формализованы, регулируются устными договоренностями, обычным правом, определяются репутацией сотрудника. Как обязательства сотрудников по отношению к работодателю могут формулироваться, например, в терминах «измены–верности», так и наоборот, обязательства работодателя по отношению к сотруднику могут помещаться в этическую плоскость, в сферу межличностных отношений. Коллектив сотрудников сети представляет для мигрантов единственное сообщество, к которому они принадлежат в России. Сеть не только дает новым мигрантам работу, но и удовлетворяет их потребность в общении. Это единственный источник поддержки для людей, которые не обеспечены социальными гарантиями ни со стороны государства, ни со стороны работодателя. С другой стороны, принадлежность к этому сообществу погружает мигранта в новую сеть реципрокных обязательств, груз которых в отправляющем обществе становится одной из причин миграции. Система реципрокных обязательств, существующая в сообществе сотрудников сети, обуславливает особую ценность репутации. Условия замкнутого мигрантского сообщества создают предпосылки для попыток построения внутри него новой репутации, отличной от той, которую мигрант имел в отправляющем обществе. С одной стороны, принадлежность к сетевому корпоративному сообществу создает ощущение

защищенности, кафе сети становятся опорными пунктами, через которые мигранты осваивают городское пространство, с другой — отношения, связывающие членов этого коллектива, носят временный характер, сеть как мигрантское сообщество существует только в миграции, здесь и сейчас.

Источники

- Большинство грузин, уехавших в Россию в 2017 году, не вернулись на родину. 05.02.2018. URL: <https://sptnkne.ws/gD5V> (дата обращения: 22.10.2018).
- Грузинские мигранты пошли вслед за вином. ФМС ужесточает контроль за приезжими из Грузии. 30.09.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/709006> (дата обращения: 01.12.2018).
- Многие граждане Грузии нелегально проникают в РФ через Белоруссию — ФМС России. 14.02.2013. URL: <https://sputnik-georgia.ru/russia/20130214/215533802.html> (дата обращения: 01.12.2018).
- ПМА 2017 — Полевые материалы автора 2017 г.
- ПМА 2018 — Полевые материалы автора 2018 г.
- saqartvelos 2017 tslis migratsiis profili. Tbilisi, 2017 (дата обращения: 01.12.2018).
- http://migration.commission.ge/files/migraciis_profil_2017_a4_new_1.pdf

Библиография

- Chelidze N.* The socio-political impact of labour migration on the country of origin // CARIM-East AS 2012/12 / Robert Schuman Centre for Advanced Studies. San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012.
- Hofmann E.T.* Choosing Your Country: Networks, Perceptions and Destination Selection among Georgian Labour Migrants // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2015. Vol. 41, no. 5. P. 813–834.
- Kim E.C.* 'Mama's family': Fictive kinship and undocumented immigrant restaurant workers // Ethnography. December 2009. Vol. 10, no. 4. Special double issue (part one) — Urban ethnography: its traditions and its future. P. 497–513.
- Lundkvist-Houndoumadi M.* Treading on the fine line between self-sacrifice and immorality: Narratives of emigrated Georgian women // Transcience Journal. 2010. Vol 1, no. 2. P. 50–71.
- Marouf M.* Irregular migration between Georgia and Greece. Everyone can cross a low fence. Deliverable 2.1. Background Report: Migration System 2 (Georgia). Athens: IRMA, 2013.

- Savvidis T.* International migration: local conditions and effects / Freie Universität Berlin, Osteuropa-Institut Abt. Soziologie. Berlin, 2009. (Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin 3). URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-435496> (дата обращения: 01.12.2018).
- Tchaidze R., Torosyan K.* Development on the Move: Measuring and Optimising Migration's Economic and Social Impacts in Georgia. Tbilisi: ISET, 2009.